

ДОВЕРЯЯ ДО САМОГО ГОРИЗОНТА

Наталия
Романова

Наталия Романова

Доверяя до самого горизонта

«Наталия Романова»

2021

Романова Н.

Доверяя до самого горизонта / Н. Романова — «Наталия Романова», 2021

Она – неудачная дочь, неудавшаяся невеста и незадачливая журналистка, которая после болезненного эпизода в прошлом не доверяет мужчинам. Дитя цивилизации, она получила задание написать статью о питомнике северных ездовых собак, находящемся в забытом богом заснеженном Сибирском уголке. Он – владелец этого питомника, не имеет ни времени, ни желания на личную жизнь. Он знает цену доверию. Сможет ли он помочь ей вновь довериться мужчине?

© Романова Н., 2021

© Наталия Романова, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталия Романова

Доверяя до самого горизонта

Глава 1

Просыпалась я медленно, словно по частям. Сначала обоняние. Стали пробиваться запахи: древесины, словно рядом срубили огромное дерево, ель или тополь, если бы я только понимала что-нибудь в дендрологии. Сладостью ванили и яблоками. Горящими дровами и сушёными травами. На фоне «природных» запахов выделялся резковатый запах мужского парфюма, исходивший прямо от подушки, на которой я просыпалась. Последний казался чем-то чужеродным, абсолютно лишним в царстве первобытных ароматов природы, насколько я могла представить себе эту самую «природу».

Появился слух. Далёкий шум, похожий на завывание ветра, я услышала первым. Следом – потрескивание горящих дров. Чё-то громкое, неровное сопение совсем рядом. Странно, я не испугалась и не удивилась этому сопению, будто каждый день просыпаюсь под чьи-то вздохи в ухе.

Осязание дало понять, что лежу я в тёплой постели, укутанная в мягкое одеяло, как в кокон. Подо мной упругий матрас, под головой уютная подушка, а рядом, поверх одеяла, лежит что-то крупное и не даёт мне повернуться, прижав одеяло своим весом. Вернее – кто-то, раз неровно сопит в ухо.

Глаза открывать было боязно. Факт того, что я жива, слышу, осязаю, чувствую запахи, могу пошевелить конечностями, помню собственное имя, возраст и даже вес, внушал оптимизм, однако неопределённость географического нахождения этих самых конечностей пугала до лёгкого покалывания в пальцах рук.

Со зрением тоже проблем не было. Я оглядела пространство вокруг себя. Невысокий потолок с огромными деревянными балками. Такие же деревянные стены. Круглый стол на одной большой резной опоре по центру. Несколько громоздких, деревянных стульев вдоль одной стены, вдоль другой – стеллажи из толстых досок и шкаф с яркими ручками в виде каких-то фигурок. У комода рядом с кроватью такие же ручки при ближайшем рассмотрении оказались вырезанными зверятами. Как в детском саду – тут тебе и кривобокая лиса, и разноухий заяц, и цапля с носом пеликана. Грубоватой кладки настоящий камин с горящими дровами. И два словно сошедших из каталога итальянской мебели кожаных кресла, закиданных покрывалами, пледами и одеялами.

Избушка трёх медведей, если бы не отсвечивающий серебром ноутбук на столе, несколько электрических розеток и телевизор, пристроившийся прямо перед кроватью.

Кое-как выпроставшись из-под одеяла, выслушав недовольное ворчание за спиной, я перевернулась, чтобы, наконец, познакомиться с тем, кто лежит рядом. По всем законам логики это необходимо было сделать сразу, как только почувствовала что-то за спиной, вернее, кого-то. Только, судя по тому, что я не могла вспомнить, где я и как здесь очутилась, логика – не самая сильная моя сторона на сегодняшний день.

На меня смотрела морда. Вернее, нос на морде. Большой чёрный нос на огромной дымчатой морде, прикрытый большой светлой лапой. Волк? Рядом со мной спал волк?

Я попятилась от... волка, с ужасом наблюдая, как приоткрылся сначала один тёмный глаз, следом второй, приподнялась голова и встряхнула ушами, чтобы начать медленно и лениво поворачиваться вокруг своей оси.

Он же не собирается меня сожрать? Вот так, живём? Совсем-совсем живём? Даже не отварную, как куриную грудку с овощами и лавровым листом. В подтверждение моих истерич-

ных, прыгающих в хаотичном порядке мыслей, волк потянулся, ткнул мне в шею холодным носом и издал утробный звук.

Ёжкины морковки!

Я зажмурилась, попятилась в ужасе, размахивая руками, как впервые ставший на крыло птенец, и шлёпнулась на пол, почувствовав ушиб мягким местом, а у лица – холодный нос и горячее дыхание. Всё тот же утробный звук, похожий на недовольное ворчание, был мне ответом. Жрать меня, кажется, не собирались. Во всяком случае, в сыром виде, без овощей и лаврового листа.

Удар по пятой точке оказался чудодейственным. Приоткрыв один глаз, я присмотрелась к волку, начиная понемногу восстанавливать цепочку событий, вспоминая, как я оказалась в этом месте. Ещё бы понять, где оно – это место.

Жильё точно человеческое, какое ещё оно может быть, не лисья же нора. Живут, судя по ноутбуку и телевизору, не отшельники. Исходя из того, что я ещё жива – не маньяки. Волк же, при ближайшем рассмотрении, больше походил на собаку. Собаку, похожую на волка. Или волка, схожего с собакой. Одомашненное животное, одним словом, кем бы оно ни было.

В глубине дома раздался шум, что-то грохнуло, звякнуло, покатилося. Животное, пока я решила так обозначить дымчатого «волка», рвануло к выходу из комнаты. Встав, внимательно оглядев себя, я последовала примеру дымчатого с тёмными ушами и маской на морде.

Одета я была, можно сказать, прилично. Худи, прикрывающее бёдра почти до коленей, и чьи-то шерстяные носки. Для приёма в Букингемском дворце форма одежды не подходила, но главную функцию выполняла: тепло, и прикрыты стратегические места. Вполне достаточно, учитывая, что мой чемодан на глаза не попадался, а значит, выбора не было. Да и шансы, что меня встретит сама королева Великобритании, были равны нулю. Что респектабельной английской старушке делать... здесь. Где бы я ни находилась.

Пройдя ещё одну комнату с невысоким потолком и сводами из брёвен, также отделанную деревом, я оказалась в просторном помещении. Настолько светлом, что глазам на мгновение стало больно.

Кухня или что-то похожее на неё. Во всяком случае, на это указывала электрическая плита и большой рабочий стол с кафельным фартуком и никелированной раковиной с высоким смесителем. В царстве дерева кафель, хром и эмалированная посуда в жизнерадостную клеточку смотрелись чужеродными. Перегораживая помещение по диагонали, стоял громоздкий деревянный стол с огромными лавками. По углам расставлены стулья с высокими спинками. На стенах висели фотографии, естественно, в деревянных рамках. У большого окна с простой шторой в клетку – в цвет кастрюлям – стояли два кресла-качалки и небольшой столик по центру.

У плиты расположился мужчина, я видела его со спины, трудно было сказать какого он возраста. Рост, определённо, высокий, плечи широкие, ноги длинные, ягодицы в обыкновенных трикотажных штанах – упругие. Короткие рукава белой футболки обхватывали объёмные бицепсы. Волосы на коротко стриженном русом затылке немного топорщились. Мужчина явно не был стариком, но точно возраст определить было сложно. От семнадцати до сорока семи лет примерно.

То ли собака, то ли волк, сделав круг вокруг здоровенного стола, врезался с размаха в мужчину, тараня мордой колени с обратной стороны.

– Отойди, – буркнул достаточно молодой голос. Дымчатый не отошёл. Судя по всему, он был намерен получить свою долю внимания, и продолжил атаку, тычась носом и покатым лбом в ноги человека.

– Пошёл вон! – прикрикнул мужчина. Животное, как я назвала уже очевидно не опасное для меня существо, в возмущении поднялось на задние лапы и упёрлось передними в бедро мужчины, одновременно тараня его лбом и отчаянно виляя лохматым хвостом.

– Отстань! – ещё раз воскликнул, по всей видимости, хозяин дымчатого, и в тот же миг раздался ещё один грохот и душераздирающий крик вперемежку с матом.

Мужчина отскочил от плиты, резко повернулся в мою сторону, оттягивая от тела сырую на животе футболку. Стекланный заварочный чайник раскололся на сотни осколков, оставляя разводы свежезаваренного кипятка на полу и белом трикотаже.

Я, было, дёрнулась на помощь, как услышала оглушающее:

– Стоять!

Естественно, я остановилась, любой бы остановился. Команда прозвучала так, будто мы все, включая дымчатого, шли по минному полю, а рядом прыгал жизнерадостный осёл, норовя сорвать всю взрывчатку разом.

– Наваха! – грянул мужчина, сдёргивая с себя футболку одним рывком, а вторым хватая волко-пса. Или пса-волка. Или кто это был? Судя по поведению и вовсе – осёл, скачущий по минам. – Уймись, тупая скотина!

– Я не скотина! – от неожиданности ответила я, в это самое время стоявшая уже у стола поперёк помещения. – И не такая уж тупая.

– Наваха, – ещё раз пробормотал мужчина, выволакивая пса за дверь и крепко прикрывая её.

– Вообще-то, Фаина, – ответила я. Как меня только не называли в детстве и позже, но большим складным ножом испанского происхождения я ещё не была. Я и испанку не напоминала, даже отдалённо и смутно.

– Привет, Фаина, – вернул приветствие парень, когда отошёл от закрытой двери.

Теперь я отчётливо видела, что передо мной стоит парень. Высокий, отлично сложенный, с широкими плечами и узкой талией. Без выступающих тут и там прокачанных мышц и пресловутых кубиков на животе. С развитой мускулатурой, крепким животом и объёмными бицепсами, но какой-то уютный. На него хотелось не любоваться, как на перекачанную фитнес-модель после сушки, а уткнуться носом в грудь и очутиться в объятиях сильных рук. Странное желание, учитывая, что в общей сложности я видела парня минуты полторы, и большую часть времени он стоял ко мне спиной или воевал с волко-псом.

Наверное, тому виной совсем простое, мальчишеское лицо парня, несмотря на то, что выглядел он не меньше, чем на двадцать шесть – двадцать девять лет. В нём не было ничего brutального, пугающего, отталкивающего. Лишь тёплый блеск голубых глаз на кругловатом лице и открытая мягкая улыбка, показывающая ряд белоснежных зубов – радость любого ортодонта. Подобный типаж играет в фильмах про войну – обязательно положительного героя, совершающего безвозмездный подвиг во имя человечества и мира на земле. Простая и притягательная красота. Неопасная.

– Я Кирилл, Кир, – парень протянул руку, осторожно обходя осколки и лужу на полу. – Сейчас уберу, и поговорим, – пообещал он.

– Я помогу, – вызвалась я.

– Не-а, – Кир бросил быстрый взгляд на мои ноги в носках, перенёс меня к окну и там оставил. Просто поднял и перенёс. Переставил, как матрёшку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кирилл, когда убрался, усадил меня за стол, а сам сел напротив, поставив между нами две кружки душистого чая и нечто, напоминающее пирог... шарлотку? – Это как бы шарлотка, – почесал он затылок, подтверждая мои предположения. – На вкус лучше, чем выглядит.

– Спасибо, – поблагодарила я искренне. Если бы я взялась печь шарлотку, она бы и по вкусу не напоминала еду, а на вид тем более.

– С тобой точно всё хорошо? – обеспокоенно спросил Кирилл, оправляя чистую футболку. Он потрогал мой лоб, ладони и внимательно разглядывал лицо. Становилось неудобно от такого пристального внимания.

Разве может быть уютно, когда находишься неизвестно где, неизвестно с кем? Не зная даже, где твоя сумка, деньги, телефон, смена белья, в конце концов.

– Всё хорошо, – я кивнула. – Просто... я... не напомнишь, кто ты?

– Кирилл, – выпятил глаза Кир.

– Это я помню! Что я здесь делаю? Ну... как я здесь оказалась?.. И вообще?

– О-о-о. Посттравматическое расстройство?

– Чего?

– Как тебя зовут, помнишь? Возраст, дату рождения?

– Фаина Сергеевна Люблянская. Двадцать шесть лет исполнится двадцать шестого апреля. Проживаю... погоди! Кирилл? Кирилл Сафронов? Питомник «Звезда Хакасии»?

– Всё верно. Значит, вспомнила?

Вспомнила, как не вспомнить...

Глава 2

Четыре дня назад, или пять, или даже шесть, надеюсь, дольше в отключке я не была, меня разбудил звонок старшей сестры. Как бы мне не хотелось прерывать сладкий утренний сон, проигнорировать родную сестру и работодателя я не могла.

– Ум-ф-п-у, – вместо приветствия выдохнула я в трубку.

– Здравствуйте, Фаина Сергеевна! – пропела сестрица. Тут же перед глазами возникло ухоженное лицо, безупречный макияж с акцентом на губы, стильная оправка и новомодный – из самых последних коллекций лучших модельных домов – наряд.

– Привет, – не поддержала я официальный тон.

– Во-первых, я хотела убедиться, что моя сестра жива и в здравии, – услышала я ответ, предвосхищающий мой вопрос. – Во-вторых, спросить – ты ещё помнишь, что числишься в отделе спортивной журналистики?

– Помню, – как не помнить.

– Штатно, – добавил еле слышимый голос.

– Помню.

– Какое прекрасное утро. Ты жива, в здравии, в уме, и даже помнишь, где работаешь! Страшно хочется поделиться радостью с человечеством. Начну с тебя. Сегодня в два у меня перерыв на обед, присоединяйся, у редакторского отдела для тебя задание.

– Какое? – откинулась я на подушку. Может, уволиться? Какой из меня журналист, да ещё спортивный, корреспондент или репортёр?

– Придёшь – узнаешь, – после этих слов сестрица отключилась, а я, как овца на заклание, отправилась приводить себя в порядок перед встречей с Нашим Всем всего семейства Люблянских.

Обедала Агриппина в одном и том же камерном кафе, найти её не составило труда. Она сидела за дальним столиком перед чашкой капучино, устроив одну кисть на другую, любуясь на свежий маникюр и давая возможность получить эстетическое наслаждение людям.

– Моё почтение, – бросила я и села напротив.

– Здравствуй, здравствуй, – синий взгляд скользнул по мне сквозь очки, и я уверена, в эти три секунды было отмечено всё: блуза рубашечного кроя, брюки, видимо, не подходящие к блузе и бёдрам, обувь, короткий пуховик, шапка крупной вязки и хвост на бестолковой голове.

Одежда на мне была не просто новая, чистая, удобная, но и модная, только не соответствовала отпрыску благородного семейства. В общем-то, я вся, от макушки до пяток, включая немного курносый нос, чуть полноватые бёдра и всеми признанный статус неудачницы, не соответствовала Люблянским.

Существует всем известная сказка, где «старший умный был детина, средний был и так, и сяк, младший вовсе был дурак». У четы Люблянских, моих родителей, было не три сына, а три дочери. А дальше расхождений со сказкой не так и много. Кто-то должен быть признан дураком.

Люблянская Артемида, в девичестве Прохорова, ныне счастливая жена и мать трёх дочерей, некогда успешная балерина, вышла на покой в тридцать лет, на пике карьеры, выхватив счастливый билет в виде преуспевающего бизнесмена и фамилии Люблянская. Согласитесь, Артемида Люблянская звучит красочнее Прохоровой. Не мешкая, она закрепила свой успех рождением трёх дочерей, оставшись при этом в отличной форме.

Семья Люблянских – воплощение ставшей крылатой фразы: «Папа работает, а мама красивая». Артемида действительно была красива в молодости, даже сейчас грация и аристократические манеры оставались при ней. Достижения же косметической хирургии и инновационной косметологии помогали достойно выглядеть.

Сергей был не столь красив, хоть и обладал мужской харизмой, притягивающей дам от восемнадцати до восьмидесяти. Главными достоинствами Сергея были умение зарабатывать хорошие деньги и обширный кругозор. Артемиде искренне любила первое и не могла по достоинству оценить второе. В самом деле, какое дело ей до космических небесных тел, находящихся за пределами нашей звёздной системы, квазаров и прочих сверхдалних объектов, если в этом сезоне в моде фалунский красный, а в Большом дают Коппелию. По задумке Артемиды, её совместные с Сергеем дети должны были родиться красивые, как мама, и умные, как папа. Так оно и получилось в двух случаях из трёх.

Агриппина была копией матери, с успехом училась балету в Лиссабоне. И не менее успешно вышла замуж на преуспевающего бизнесмена, помимо прочего владеющего издательством глянцевого и периодического журналов, где сейчас трудилась, естественно, директором. Ведь к красоте мамы и деньгам мужа прибавлялся ум папы.

Младшая, Аврора, сделала блестящую карьеру в художественной гимнастике, сейчас сияла красотой на раутах и вечеринках, тщательно следя за собственной репутацией. Чтобы к моменту, когда познакомится с кем-нибудь успешным и перспективным, быть вне подозрений и скандальных сплетен. Одновременно с этим она закончила факультет журналистики и вела светскую хронику в одном из журналов Агриппины.

А я... Иногда я думаю, что когда мама впервые взглянула на меня в родильном доме, она воскликнула: «А это что за... Фая». Меня и называли максимально не пафосно, не в духе блистательной Артемиды Люблянской – Фаина. Ещё в дошкольном возрасте стало понятно, что я сломала мамину систему, родившись красивая, как папа, и умная, как мама. Скорее всего, Аврора появилась с единственной целью – закрыть неудачу со мной.

Нет-нет. Мной занимались, пытались вырастить из того, что уродилось, человека. Честное слово, я не росла нелюбимым и заброшенным ребёнком! Меня водили в спортивные секции, где тренеры один за другим разводили руками, намекая маме, что из славной белобрысой девочки не получится олимпийской чемпионки по фигурному катанию, художественной гимнастике, большому теннису, горным лыжам, дзюдо. С шахматами и ранним развитием я тоже не подружилась. В пять лет читала лишь по слогам, считала только в пределах двадцати, а английский и французский языки учила по детским песенкам, никак не желая поддерживать беседу с родительницей. У меня не обнаружили абсолютного слуха, тяги к рисованию, и даже кружок оригами не вызвал в моей душе отклика.

В итоге меня «приткнули» в спортивные балльные танцы, к знаменитому тренеру, который терпел меня из уважения к заслугам мамы и деньгам папы. У меня даже партнёр был – мои родители честно оплачивали занятия талантливого мальчика за честь таскать меня по паркету. Кое-как мы добрались до международных конкурсов, болтаясь где-то в середине турнирной таблицы, но и тут Артемиду ждало разочарование. Мой подрастающий организм отреагировал на гормональный взрыв раздавшимися бёдрами и неатопической астмой¹, встречающейся не чаще трёх процентов от общего количества больных, а у детей и того меньше. И если в бёдрах заслуженный тренер большого греха не видел, то астма подбила на корню хрупкие ростки надежды на моё очеловечивание. Врачи запретили сильные физические нагрузки. К чести Люблянских, мой партнёр остался на их финансовом попечении и в дальнейшем достиг приличных высот.

Несколько лет меня усердно лечили. Показывали светилам медицины, отправляли в санатории и в благоприятные климатические условия с доверенными лицами. У мамы оставались ещё две дочери, требующие времени и сил, так что я не в обиде. Да и на что обижаться? На четыре года в Италии? Или летние каникулы в Швейцарии? И всё это без родительской ежесекундной опеки и наставлений! Любой подросток, не раздумывая, вытянет подобный счаст-

¹ Неатопическая астма – неаллергическая астма, развивающаяся без контакта с каким-либо аллергеном.

ливый билет. Постепенно приступов становилось меньше, а потом они и вовсе сошли на нет. Врачи предупреждали, что диагноз со мной навсегда, но в последнее время я даже не вспоминала о заболевании, скрасившем мне юность.

После окончания российской школы экстернатом, попутно получив школьное образование в Италии в естественно-научном направлении, я поступила учиться на журналиста. Выучилась с горем пополам, не имея ни малейшего желания ни быть этим самым журналистом, ни слыть им.

К двадцати шести годам я не сделала значимой карьеры в мире спорта, музыки или балета. Не достигла высот в бизнесе, не вела успешный тревел-блог, не стала востребованным журналистом, политиком, кинодивой.

Я не выглядела как модель, обходилась без виниров и удаления комков Биша. Ко всеобщему ужасу дам Люблянских, не боролась с лишним весом, которого, по всем нормам, у меня не было. Мой рост остановился в шестнадцать лет, достигнув стандартных ста шестьдесят двух сантиметров, а вес держался на уровне пятидесяти двух килограмм. При этом у меня была в наличии грудь полного второго размера и те самые, треклятые бёдра. Чтобы достигнуть вожаемых сорока восьми кило мне нужно попросту отрезать грудь и большую часть мягкого места или перестать есть совсем. Откуда, скажите на милость, у столь бесталанной и бестолковой меня возьмётся сознательность для подобного подвига?

Глава 3

Я сидела и сосредоточенно жевала кусок шарлотки так, будто это дело всей моей жизни. Тщательно пережёвывала, как и положено, минимум пятьдесят раз. Запивала душистым чаем с какими-то травами. Душицей или зверобоем, в лекарственных растениях я понимала ещё меньше, чем в деревьях. Волшебное сочетание вкуса и аромата.

Украдкой я поглядывала на визави. Первое впечатление не обмануло. Парень действительно симпатичный, с удивительно добродушным взглядом. Казалось бы, ничего сногшибательного в нём не было. Не фэшн или фитнес модель, на котором невольно останавливается взгляд, и любое девичье сердце пропускает удар. Потом подключается здравый смысл, возникают вопросы: зачем он нужен? Что с ним делать? Появляются мыслишки о сексуальной ориентации объекта вожделения, предполагаемом нарциссизме и неуживчивом характере. Критическое же мышление добывает контрольным выстрелом: зачем ты ему нужна? Но в первые секунды, самые первые, сердечко обязательно ёкает.

Поражала даже не внешность Кирилла, а само удивление. Оказывается, я давно не видела простых лиц, открытого взгляда и тёплой улыбки. На секунды я почувствовала себя неловко, чтобы как-то сгладить момент, в очередной раз поблагодарила Кирилла за угощение:

– Спасибо, очень вкусно.

– На здоровье, – ответил Кир и снова улыбнулся, невольно я засияла в ответ, мечтая сказать что-нибудь непременно остроумное.

В это мгновение дверь распахнулась, на пороге появился высокий мужчина, закрывающий плечами в куртке и пушистой меховой опушкой капюшона всё пространство проёма. Могу поспорить на что угодно, от мужчины пахло морозом.

– О, пришла в себя, – громогласно заявил вошедший, отодвинул панель стены в сторону, обнаруживая нечто вроде большого гардероба, скрылся там, чтобы вернуться через минуту, уже без куртки и в домашних тапочках.

– Сам пёк или гостя? – кивнул он на шарлотку, полоская руки под краном.

– Сам, – ответил Кирилл, демонстрируя мечту рекламной компании стоматологической клиники.

– Угощай, – мужчина уселся рядом с Кириллом, широко улыбнулся, глядя на меня, не оставив никаких сомнений в родстве с владельцем «Звезды Хакасии».

– Пришла в себя? – это он обратился уже ко мне, я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, где я слышала этот голос. Никаких сомнений, раньше я не встречала этого человека, больше похожего на медведя. Такого... славянского медведя, с сединой на висках, синими глазами и широкой улыбкой.

– Да, спасибо, – растерянno пробормотала я.

– Вот и ладушки, вот и славно, – мужчина протянул здоровенную ладонь. – Не обижал тебя этот обормот? Ты, если что, сразу мне говори. Вмиг мозги на место поставлю.

– Что вы, не обижал, – возразила я.

– Вот и хорошо, можешь звать меня дядей Андреем, – я опешила. С детства не слышала подобного обращения, если покопаться в памяти, и тогда не слышала. Кого-то звали по имени отчеству, кого-то лишь по имени, в зависимости от степени близости и родства. Никаких «дядь» и «тётъ» припомнить я не смогла.

– Фаина, – представилась я в ответ. – Можно без «тётя», – добавила зачем-то.

– Шутит, значит всё отлично, – закатился в смех Андрей... дядя Андрей.

И я вспомнила, когда и при каких обстоятельствах слышала этот голос и особенно раскатистый смех.

Билетов на прямой рейс в Абакан не было, или ассистентка Агриппины не заморачивалась, а я не стала спорить. Пересадка в Новосибирске меня не смутила. Провести несколько часов в аэропорту столицы Сибири – не проблема. Начиная с детского возраста, я много путешествовала, самолёты, поезда, вокзалы были для меня обыденностью.

Всё прошло гладко, я поболталась в Толмачёво – аэропорт в Новосибирске, – поскучала в зоне отдыха, полистала журналы, приобретённые там же, выпила кофе, перекусила, углубилась в чтение романа, который откладывала до лучших времён. Минус тридцать пять на улице, толчея Толмачёво – удачное время для чтения. Несмотря на тесноту Эмбраера² полтора часа полёта из Новосибирска в Абакан прошли незаметно, за чтением того же романа. Приземлились мягко, в это же время книга закончилась, я удовлетворённо вздохнула и уставилась в иллюминатор, разглядывая местность, куда прилетели. Занавеса неспешно оседающего снега и низкие облака скрывали здание аэропорта – виднелись лишь яркие огни и надпись «Абакан».

Ничего особенного погодные условия не скрывали. Небольшой аэропорт с громким названием «Дружбы народов», вальяжно катившиеся полупустые перронные автобусы, суета в зоне получения багажа. Информационное табло, стойки регистрации.

Какое-то время я честно стояла в центре большого зала, оглядывая пространство вокруг себя, вглядываясь в пассажиров, встречающих и спешащих по своим делам служащих аэропорта. Во всех, просто на всякий случай, из детской веры в чудо. Меня не встретили.

Ассистентка Агриппины твёрдым голосом пообещала трансфер прямо до «Звезды Хакасии». Я сильно сомневалась, что питомник, находящийся за сотню километров от Абакана, предоставляет всем гостям трансфер, а если быть совсем честной, что вообще предоставляет, но с девицей на том конце провода спорить не стала. Если «Звезда Хакасии» не оказывает услуги трансфера, то Агриппина, в девичестве Люблянская, в состоянии организовать какое угодно перемещение. Хоть из точки «А» в точку «Б», хоть от Луны до Марса.

И всё-таки меня не встретили. Вот она я. Вот мой любимый чемодан на колёсиках с пристроенной сверху сумочкой. Вот рюкзак с ноутбуком и блокнотом для записей. Вот поясная сумка такой же жизнерадостной расцветки, что и чемодан с сумкой. Вот они – мы, готовые писать записку о вашем мальчике, вернее, питомнике. И никто нас не встречал. Ни меня, ни поклажу яркой, неуместной для сурового Абакана расцветки.

В общем-то, выбор у меня был, и довольно большой. Я могла отправиться в любую гостиницу Абакана, могла позвонить сестре и потребовать злосчастный трансфер «прямо сейчас», могла остаться в аэропорту и ждать неизвестно кого и чего, но я решила добираться самой. Гугл карты показали расстояние – всего ничего, туда-сюда сотня километров на просторах Сибири. В справочной услужливо объяснили, как и каким образом добраться до нужной точки. Сверившись с расписанием, спасибо Тиму Бернерс-Ли – парню придумавшему интернет, я решила, что доберусь быстрее на автобусе.

Улица встретила крепким морозцем, искрами снега и паром изо рта встречных людей. Пасмурно, пугающе неприветливо. Не знаю, что мной двигало в этот момент, наверное, идиотическая уверенность в собственном всемогуществе и временное помутнение рассудка. Если когда-нибудь папа узнает о моём поступке, наверняка запрет меня в загородном доме, поставит пару охранников у дверей, заодно приведёт психиатра для ненавязчивой беседы и постановки предварительного диагноза. Не удивится мама, ещё в родильном доме понявшая, что на свет появился не отпрыск Люблянских, а просто Фая. И мой бывший вряд ли выкажет удивление. Он часто говорил, что рассуждаю я альтернативно. В тот день, я уверена, случился апофеоз альтернативного мышления Люблянской Фаины Сергеевны.

Проведение мне подсказывало, что мой план – полный отстой. Оно буквально орало в уши, сыпало знаками, подавало сигналы. Через несколько минут поездки у машины такси обна-

² Эмбраер – пассажирский региональный самолёт.

ружился прокол на колесе, меня пересадили в другое такси под извиняющийся голос диспетчера. Извинялась дама таким голосом, что у меня невольно закралось подозрение, что колесо проколола изворотливая и коварная я. Следующий таксист хмурился всю дорогу, время от времени награждал коллег по рулю нелитературными эпитетами.

Автовокзал оказался открыт, но рейсы отменены. Неблагоприятная дорожная обстановка. Я долго вчитывалась в объявление на кассах, не веря своим глазам. Выходит, погода лётная, но для автобусов неблагоприятная...

Интересно, что происходит на дорогах Хакасии?.. Бродят дикие маралы, кабаны нападают на автобусы? Бурундуки в это время года особенно опасны?

– Завтра всё согласно расписанию, – почти улыбаясь, ответили мне в окошке с надписью «Справочное».

Завтра меня не устраивало. Совсем. Предательскую мысль позвонить Агриппине и всё-таки потребовать трансфер и заодно ружьё от бурундуков и диких лис, я отмела в приступе шизофренической отваги. Побродив по небольшому зданию автовокзала, я схватила жизнерадостный чемодан и отправилась на улицу.

Чип и Дейл махали лапками с плаката «Слабоумие и отвага», когда я подошла к тому же таксисту и поинтересовалась, сколько стоит добраться до нужного мне населённого пункта. Выходило недорого, по моим, столичным меркам, а по взгляду таксиста я поняла, что цену он всё-таки загнул. Машина такси была тёплой, заднее сиденье комфортным, а мысль домчать к «Звезде Хакасии» с ветерком – гениальной.

Ехали мы больше пары часов, с ветерком, как и полагается. В общем-то, я поступила разумно несколько раз. Первый – включила навигатор, чтобы убедиться, верно ли меня везут. Второй – позвонила подруге Даше, вкратце обрисовав ситуацию, не теряя бодрости в голосе и внешнего оптимизма. Похвасталась морозной свежестью и белым снегом, про замерзающие в носу сопли и трясущиеся от холода колени я малодушно промолчала. Третий – отправила всё той же подруге номер автомобиля и заодно номер диспетчера, красовавшейся сбоку машины.

– Приехали, – гаркнул таксист, я подпрыгнула от неожиданности, пытаясь спросонок собраться с мыслями.

В окне стояла ночь. Просто ночь. А больше ничего не было. Впереди, перед капотом, под светом фар кружил снег, с остервенением ударялся в лобовое стекло крупными ошмётками.

– Куда? – уставилась я на водителя. Навигатор показывал, что до нужной точки минимум километр, серая полоска вела прямо к флажку, где по всем законам должно прозвучать: «Вы прибыли».

– Дальше машина не пройдёт, – спокойно пояснил таксист. – Клиренс, – добавил он, будто слово должно всё объяснить, только мне оно ничего не объясняло. Ничегошеньки. – Девушка, да вы не волнуйтесь, туточки рядом. Дорожники отсыпали съезд снегом, а вы ножками вмиг переберётесь, и вот она, ваша «Звезда Хакасии».

– То есть, как «ножками вмиг переберётесь»? – уставилась я на водителя.

– Я подсоблю, – привёл сомнительный аргумент собеседник.

Что подсобит? Перебраться ножками через сугроб, если это сугроб? Протопать километр пешком? Ночью. Под снегопадом. В мороз.

Ёжкины морковки!

Всё это я высказала таксисту, с трудом ограничивая пламенную речь эвфемизмами. Мамино воспитание и фамилия Люблянских не подводили меня даже в такой ситуации.

– Кто ж знал, что они подъезд зароят, – пожал плечами водитель. – Можно обратно. Остановитесь в гостинице, с утречка на свежую голову порешаете, как добраться.

Существует народная мудрость, гласившая: «Лучше плохо сидеть, чем хорошо идти». Придумали её как раз на подобный случай. Поговорка намекала, что мне, Фаине Люблянской, вместе со всем своим жизнерадостным багажом, включая рюкзак с ноутбуком, лучше остаться

в машине и плохо посидеть ещё пару часов. Прижать бёдра с пятой точкой к сиденью и не шевелиться. Вернуться в Абакан, или любой другой город, поближе.

Я тоскливо посмотрела в окно. Какой-то несчастный километр. Один километр. Не десять, не пять, не три. Всего-то ничего. Несмотря на то, что Агриппина пристроила меня спортивным журналистом, спортивным человеком я не была, однако километр пройти в состоянии. В этом я была уверена.

Чип и Дейл с плаката «Слабоумие и отвага» передавали мне горячий привет, когда таксист перетащил через сугроб, покрытый настом и дорожной грязью, чемодан. Мороз пробирался под короткий пуховик, начинал щипать колени, прикрытые джинсами. Нос я укутала шарфом, шапку натянула пониже. Отыскала в рюкзаке вязанные перчатки, спасибо Даше, сунула в последний момент в аэропорту.

За утрамбованным сугробом действительно была дорога, укрытая свежим снегом, укатанная не одной машиной. Колёсики чемодана вязли в снегу, но сама я, вместе с рюкзаком, не проваливалась.

– Видишь огни? – спросил таксист.

– Вижу, – я кивнула, впереди действительно виднелись фонари жилого посёлка, а чуть поодаль, вдоль дороги, попадались редкие столбы освещения. Не заблудишься.

– Вот туда иди, не сворачивай.

Я оглянулась. Свернуть не получилось бы, по обе стороны от дороги поле или луг, не разобрать. С рыхлым, на вид глубоким снегом. Справа, за полем, сплошной стеной надвигался лесной массив, а слева луг устремлялся вверх на крутую возвышенность, немного защищающую дорогу от ветра. Лес тоже не давал порывам пробираться под одежду. Мне так казалось в порыве слабоумия и отваги.

– Отлично, – приободрила я не то себя, не то таксиста. Махнула рукой и... поехала, вернее, пошла.

По снежной дороге, освещаемой кособокими, редкими столбами. Ветер гудел в нависающих проводах, редкие порывы ветра приносили хлопья снега, норотившие попасть в лицо, пробраться в нос, уши, слепили глаза. Как говорила Агриппина? Свежо? Свежесть я определённо чувствовала, а ещё холод, сковывающий движения, мысли и колени.

После нескольких минут героического похода, показалось, что я прошла не меньше пяти километров, а то и все десять. Оглянувшись, увидела тот же сугроб, отделяющий меня от трассы, а огни жилого посёлка стали значительно дальше. Водителя не было. Что ж. Выбора у меня тоже не оставалось. Плохо идти – единственный вариант.

Через двадцать минут пути околели не только колени и нос, добавилось покалывание в многострадальных бёдрах, их жизнь точно не готовила к сибирскому морозу. Я перестала чувствовать кисти рук, на ногах пальцы нещадно ломило. Дышать было больно и одновременно холодно. Я не могла вдохнуть и выдохнуть. Далёкие фонари кружились и расползались, прячась под снегом, залепляющим глаза.

Шлёпнувшись на чемодан, я достала телефон, заочневшими пальцами попыталась набрать номер Агриппины, Даши, мамы, МЧС, господ бога или чёрта – без разницы. Сенсор не срабатывал на морозе, пришлось греть дыханием сначала палец, потом телефон. Экран вспыхнул, показав привычную заставку, слабенькую шкалу связи и значок «Е» в строчке уровня сигнала интернета. Обозначения себе нещадно льстили, ни связи, ни интернета не было.

На Агриппину, Дашу, чёрта, бога и здравый смысл полагаться не приходилось. Я продолжила упрямо толкать чемодан впереди себя, собирая на ходу снег, как снегоуборочной машиной. Тащить за собой волоком не выходило, колёсики вязли в снегу.

Вы бывали в открытом космосе? Я была. В тот момент, когда погасли все фонари разом – и редкие вдоль дороги, и покачивающиеся вдали огоньки жилого посёлка, – я очутилась в открытом космосе. Чёрном, бездонном, студёном, до одури пугающем.

Фонарик на телефоне несколько раз вспыхнул, экран сообщил о низком заряде. Не успела я переключиться в режим экономии энергии – в такой момент смартфон даже с отсутствующей связью воспринимается, как верный наперсник, – аккумулятор стремительно разрядился. Что рассказывали на уроках про ионы лития, внедряющиеся в кристаллическую решётку углеродного материала, и обратно перемещающиеся к аноду? Холод действительно нарушает этот процесс. Лучшего времени для лабораторной работы не найти.

Я сидела на чемодане, чувствуя, как паника, накатывающая волнами, сжимает грудную клетку, не давая выдохнуть воздух. У меня несколько лет не случались астматические приступы, но испытыв подобное хотя бы раз, эту дрянь невозможно ни с чем перепутать.

В темноте я упала на четвереньки, пытаюсь вытолкнуть, выхаркать воздух из лёгких, не обращая никакого внимания на снег и холод. Лишь головокружение, всепоглощающий ужас, боль. Помнила, где-то в рюкзаке болтается ингалятор, понимала – нужно его достать во что бы то ни стало. Необходимо! Но всё, что могла – раскачиваться на коленях, упираясь руками в снег. Рюкзак же давил мне на спину, содрогаясь от моего удушающего кашля.

Приближающиеся огни я помню плохо, как и последующие события. Шум моторов отдавался в голове, распирая виски, желудок содрогался в такт с хриплым, свистящим, сводящим с ума дыханием.

– Жива, жива, мартышка! – мужской раскатистый голос показался мне громом. – Ничего, продержись чуток, – продолжал урчать голос, в унисон с шумом ветра в проводах и гудением моторов. – Держи-ка её, – крикнул мужчина куда-то в сторону. Я не пыталась разогнуться, продолжая с остервенением выхаркивать воздух.

Меня подняли, как тряпичную куклу, укутали во что-то меховое и огромное, крепко удержали. Мне удалось немного расслабиться, повиснуть на сильных руках, на мгновение показалось, что приступ отпускает. Рёв мотора отзывался во всём теле, на краю сознания я понимала – скорее всего, это снегоход, точно определить не могла, да и какая разница, хоть сани Санта-Клауса.

– Придерживай мягче, оболтус, – послышался всё тот же голос.

– Вы ангел? – выхрипнула я в сторону голоса.

– Моя жена с тобой бы поспорила, – раздался ответ вперемешку со смехом. – К матери мчи, она знает, что делать.

Потом я видела, как грузная женщина отдавала короткие распоряжения, первым делом найдя ингалятор. Укол я даже не заметила, как и не придавала значения тому, где я, кто меня раздевает, что происходит.

Я могла дышать. Вдыхать и главное – выдыхать. Спустя непродолжительное время, укутанная в тёплое одеяло, чьи-то носки и своё худи, я уснула безоблачным сном младенца.

Глава 4

Мы уже выпили по две чашки чая, заедая приличной порцией шарлотки, когда дверь снова открылась, и на пороге появилась женщина. Её я узнала сразу, хоть накануне лица не запомнила.

– Вот и гостя наша проснулась, – с улыбкой проговорила женщина, выходя из той же гардеробной, что и пятнадцать минут назад дядя Андрей. – Чем девушку потчуете? – она скользнула взглядом по столу. – И всё? Обед на дворе! – всплеснула руками и отвесила подзатыльник Кириллу.

– Непедагогично, – засмеялся Кир, и я невольно снова залипла на его улыбку. Бывает такое. Ничего особенного в человеке нет, а глаз отвести невозможно. Сlopала бы эту улыбку, запивая ароматным чаем. – Скажу тебе по секрету, в холодильнике мышь повесилась, – шутиливо продолжил улыбаха. – Я сделал всё, что смог.

– Как мышь? Ольга разве не приходила? – ещё раз всплеснула руками женщина.

Я приуныла. Фая ты, Фая, а не отпрыск блистательных Люблянских. Если на моём месте была бы Аврора, то Кир был бы не Кириллом Сафроновым – владельцем питомника северных ездовых пород собак, – а греческим миллионером с внешность голливудского красавчика, а если бы Агриппина – самим Дэвидом Бекхэмом. Перед моим же носом щёлкнула пальцами некая Ольга.

– Не-а, – беззаботно ответил Кир. – Занята она.

– Кхм, – дядя Андрей выразительно кашлянул в кулак. Непедагогично распускающая руки дама вздохнула, а Кир продолжил сиять, как начищенный пятак.

– Фаина, – обратилась ко мне женщина. – Пойдём, я тебя осматрю.

Можно было догадаться, женщина – мама Кирилла и врач. Мысленно я напряглась. Проведя половину детства тесно контактируя с врачами, ничего хорошего от них не ждёшь. Да, с возрастом пришло понимание – человек в белом халате не желает зла, а ровно наоборот, но внутренняя маленькая девочка, живущая внутри меня, горестно вздыхала и махала головой, отказываясь проходить осмотр.

Дав себе мысленного пинка, я пошла следом, тем же путём, что и пришла. Пустынная комната, отделанная деревом, небольшой проход-коридор и, наконец, комната, в которой я проснулась. Там всё ещё пахло деревом, сухими травами и камином.

– Меня зовут Юлиана Павловна, – после осмотра и дежурных вопросов-ответов продолжила беседу женщина. – Можешь звать «тётя Юля». Не смущайся, – она улыбнулась. – Меня все так зовут, кто младше тридцати. Я местным ФАПом заведую, – пояснила она, а на удивление ответила: – Фельдшерско-акушерский пункт, сельская больница, по-простому.

– Земский доктор?

– Можно и так сказать, – Юлиана Павловна улыбнулась. – Перепугала ты всех, Фаина Сергеевна, давно такого переполоха в нашем посёлке не было.

Удивлять альтернативной логикой – моё призвание. Поприще, на котором я достигла успеха. Накануне случился пик моей блистательной карьеры неудачницы. Что ж, хоть в чём-то блеснула. Не зря родилась в семье Люблянских.

– Мы Семёна, водителя из «Звезды», отправили тебя встречать, – тем временем продолжала тётя Юля. – Он приехал в аэропорт, аж за час до нужного времени, а рейс уже приземлился. Бегом звонить в редакцию, никто ничего не знает, лопочут в трубку, а толку – ноль. Хорошо, Кирилл с директором твоим до этого общался, всю неделю детали оговаривали... Ей дозвонился.

– Агриппине, – даже спрашивать не приходилось, с кем именно общался Кир. – Сестра моя, родная.

– Агриппине Сергеевне, да, – не обратила внимания на ремарку тётя Юля. – Она и вычислила, что ты на такси поехала. Пока через диспетчера до таксиста дозвонились, думала, поседею! В такую-то даль, по темноте, с неизвестным мужиком. И красавец учудил, посадил в чистом поле, в тридцатиградусный мороз!

– Для вас погода привычная, – вяло заступилась я за водителя. Решение выбраться из машины принадлежало лично мне, никто пинками в поле на мороз не выгонял.

– Для нас – да, а по тебе видно, что не местная, одежда не для нашего климата, – мне оставалось только вздохнуть, виновато опустив голову.

– В экстренные службы позвонили, естественно, только знаешь, как говорят: на бога надейся, а коня привязывай. Мой Андрей местных собрал, рванули на снегоходах, еле нашли тебя. Болван абаканский мало того, что выпроводил в мороз, так ещё и не в том месте! Действующий поворот через километр.

– Навигатор показал...

– Он вечно врёт, все блуждают. И ты заблудила.

– Ладно, хватит отчитывать, – в комнату вошёл Кирилл.

Неизвестно, много ли он услышал, при этом я была безотчётно уверена, что он появился в дверях уже после осмотра. Порой людям доверяешь без видимых причин. Чип и Дейл передали мне привет, подтвердив, какими именно качествами обладает человек, безотчётно доверяющий окружающим.

– Не отчитываю я! – всплеснула руками тётя Юля. – Пошла, обед заканчивается. Фаина, побереги себя, – уже на выходе добавила: – Ингалятор под рукой держи.

– Не обращай внимания, – Кирилл улыбнулся, я снова захотела съесть его солнечную улыбку.

– Я действительно ступила, – буркнула я в пол.

– Есть немного, – в голосе было столько тепла, что им можно было бы растопить льды Ледовитого океана. – Не ошибается тот, кто ничего не делает. Я собираюсь к собакам, составишь компанию?

– Конечно! – раз я приехала писать репортаж про вашего мальчика, вернее – о «Звезде Хакасии», не сгинула по дороге, бесславно замёрзнув насмерть, то стоило посмотреть своими глазами на то, что расхваливают на всех профильных форумах и сайтах.

– Так пойдёшь? – Кир показал рукой на мои голые ноги. – На улице минус тридцать пять сегодня, – он подмигнул.

– Где мои вещи? – очнулась я. Конечно, как всегда вовремя. А что, если чемодан остался в поле, вместе с рюкзаком и ноутбуком? И телефоном!

– Вот, – Кир показал в угол рядом с одним из кресел, там притулились жизнерадостный чемодан и рюкзак. – Телефон заряжается, – кивнул на стол. – Подумал, ты сразу, как проснешься, захочешь позвонить родным, – пожал он плечами. – Пуховик в раздевалке. У чемодана колесо с корнем вырвало, – зачем-то добавил Кирилл. – Я закажу и почию.

– Спасибо! Не думали итальянцы, что их ронкато³ в далёкой Сибири в качестве грейдера использовать станут, – попыталась я пошутить.

– Зачем? – Кир уставился на меня.

– Он не ехал по снегу, пришлось толкать.

– На бок положила бы и как санки везла, – всё с той же улыбкой ответил Кир. Вроде и ткнул в скудоумие, а не обидно. – Одевайся теплее, – добавил он и вышел.

Оставшись одна, я поняла, что действительно должна была сразу позвонить, как минимум Агриппине, а лучше маме, папе, Даше и управдому, последнему – просто на всякий случай. Учитывая мою везучесть, наверняка в моей однушке прорвало трубу с отоплением, кото-

³ Ронкато – итальянский производитель чемоданов и дорожных сумок.

рая затопила все восемь этажей подо мной. Только странное дело, я никому не хотела звонить, за исключением подруги.

Первым делом я набрала номер Даши, из трубки на меня полились звонкие ругательства, вперемешку с заливистым смехом и требованием рассказать о сомнительном приключении в деталях. Я пообещала, что детали поведаю позже, пока же искренне поблагодарила.

– Ой, было бы за что! – залилась Даша. – Всё. Пока. Жду звонка!

Потом позвонила Агриппине, нарвавшись на слёзы на грани истерики и обещание смертной кары «секретарше-идиотке», которая всё напутала и была постыдно уволена. Меня увольнять, к сожалению, не стали, а вот всеми кругами ада на мой афедрон⁴ пригрозили. Родителям Агриппина ничего не рассказала, за что я отдельно поблагодарила сестру. Сил на ещё одну беседу с представителем Люблянских не оставалось.

Оделась я, естественно, тепло. Достала термобельё, сосватанное мне бодрым консультантом, шерстяной свитер и актуальные в этом сезоне спортивные вязаные штаны. В раздевалке, как и сказал Кирилл, висел мой пуховик, там же я нашла шапку, шарф и перчатки.

Потоптавшись у порога, я открыла дверь и оказалась в полупустом прохладном помещении, видимо, прихожей, отделанной деревом, как и весь дом, а следом отважно выскочила на улицу.

В первое мгновение мороза я не ощутила, лишь слепящий от сочетания солнца и снега свет, настолько яркий, что пришлось зажмуриться. Меня подозвал Кир, сидевший рядом с уже знакомым мне Навахой, естественно, я подошла. Он скептически оглядел мой внешний вид, при этом тактично не озвучил свои умозаключения.

– Пошли знакомиться, – кивнул он и обвёл рукой владения. – Вот это и есть питомник «Звезда Хакасии», – не без гордости продолжил он.

Я стояла посередине просторного двора, где буквой «Г» расположились на возвышениях-пьедесталах вольеры, откуда доносился не лай, нет, а хриплый, на все лады и тональности вой. Собаки вставали на задние лапы, отчаянно виляли хвостом, пытались просунуть нос и передние лапы между прутьями решётки. Они точно были рады видеть хозяина и рассчитывали на поощрение. Угощение или прогулку, я не знала.

Двор напоминал огромный прямоугольник, с двух сторон вольеры, с одной дом, где я провела ночь, а с четвёртой – длинное строение, чьё предназначение неизвестно. Впрочем, где-то должен стоять снегоход, автомобиль, снаряжение для ездового спорта.

В центре двора стоял гибрид юрты и деревянного дома с трубой по центру круглой крыши. Для чего посередине шикарного пространства поставили эдакого монстра, я придумать не могла. Видимо, поймав мой недоумевающий взгляд, Кир пояснил:

– Дом для обогрева, – жестом он пригласил меня в «юрту».

В центре была небольшая печь, уходящая трубой в потолок, на печи конфорки, ими явно пользовались не один раз. Вдоль стен располагались лавки, приколочены крючки на стенах, стояло несколько столов на толстых деревянных ногах. Венчало странное сооружение современное панорамное окно на ворота из зелёного профнастила.

– С видом на трассу, – пояснил Кир, в это время ворота стали отъезжать, я увидела бескрайнее, покрытое снегом поле, и только вдаль виднелась полоска леса.

Отлично придумано, как обогрев у открытого катка на главной площади любой из столиц нашей необъятной, только с этническим уклоном, самобытно. И, судя по столам и конфоркам, здесь кормят или угощают ароматным чаем.

Потом ворота закрылись, и мы пошли к вольерам. Было ли мне страшно? Естественно, было! Столько собак сразу, с непривычки показалось, что их не меньше пятидесяти, хотя я точно знала, что всего тридцать.

⁴ Афедрон (устарелое, шутовое) – ягодицы.

– Здесь суки, – показал Кир на один из вольеров.

– Девочки? – уточнила я.

– Девочки, – хмыкнул он. – Там мальчики, – продолжил, как ни в чём не бывало. – А вот здесь... – он остановился у вольера и присел поприветствовать собак, сующих носы сквозь решётку, напрашивающихся на общение и хозяйскую ласку.

– Неопределившиеся? – пошутила я.

– Можно и так сказать. Молодняк. Гулять пойдём? – спросил он у скулящих морд.

Я попятилась в сторону, когда Кир открыл дверцу. Толпа ринулась вниз по лестнице, напоминающей трап, едва не сбивая с ног хозяина и меня, придерживаемую мужской рукой. Сразу раздался дружный, полный возмущения вой, определённо требующий тех же привилегий, что и у молодняка.

– Не возражаешь? – спросил меня Кир, будто это мои собаки и мой питомник. – Они все социально адаптированы, не бойся, – пояснил он тут же. – Ты можешь здесь постоять, а можешь домой идти, не замёрзла, кстати?

Я не замёрзла, вернее, холодно мне было, термобельё не очень-то грело, а вязанные штаны хороши до минус пяти градусов, но любопытство и коронное слабоумие держало меня на улице.

– Всё хорошо.

Кирилл по очереди открыл вольеры, выпустил собак, выискивая взглядом то одного пса, то другого, давая пояснения и рассказывая о питомцах.

– Это Сали, – говорил он, показывая на палевую собаку – Она самая старшая, старушка почти. А там, два серых и один волчий окрас, видишь? – я посмотрела. – Я с ними в «Большой гонке»⁵ на Аляске шестым был. В следующем году Мару и Илку ещё возьму, – он показал на двух бледно-рыжих собак.

Удивление вызывал цвет и разнокалиберность хвостатых. Пресловутые, всем известные голубые глаза были в лучшем случае у половины собак. Потом-то я узнала, что в «Звезде Хакасии» проживают не только сибирские хаски, которые не все могут похвастаться голубыми глазками, но и аляскинские маламуты, а так же несколько самоедских собак – они выделялись белым, пушистым, похожим на облако окрасом.

На моё удивление, в общей толчее крутилось несколько неказистых дворняг, включая мохнатого, мелкого, задиристого пёсика, на которого никто из гордых представителей аборигенских четвероногих не обращал внимания.

– Прибились, – пояснил Кир. – Иногда хасей вылавливают, к нам привозят, ищем хозяев, возвращаем. Дворняг лечим, стерилизуем, стараемся пристроить в добрые руки, обычно быстро удаётся, а эти засиделись, – он говорил просто, как о чём-то совсем обыденном, как о чистке зубов, а не о лечении и содержании никому не нужных дворняжек.

Подлетел Наваха, почти сбил меня с ног. Он оказался аляскинским маламутом, не просто по документам, а по факту. Родился в далёкой Америке, на Аляске, в щенячестве прибыл покорять сибирские просторы.

– Он ещё щенок, – пояснил Кир. – В силу войдёт годам к двум. Остальные маламуты старше. У меня и девочка есть, сейчас у отца отсиживается... критические дни, – пояснил он, я отдала должное чувству такта. Наверное, непросто собачнику перейти со слов «сука» и «течка» на «девочку» и «критические дни».

– Будете разведением заниматься? – задала я закономерный вопрос.

⁵ Iditarod Trail Sled Dog Race (Iditarod, Айдитарод) – ежегодные гонки на собачьих упряжках в Аляске, где команды из 16 собак и каюра проезжают 1868 км (1161 миль) от восьми до пятнадцати дней, от Уиллоу (неподалёку от Анкориджа) до Нома. (Россияне принимали участие в больших Iditarod Trail Sled Dog Race, лучший результат показали 1991 год – Николай Эттыне, он пришел 36-м с результатом 17 дней 10 часов 53 минуты 0 секунд, и Александр Резнюк, он пришёл 37-м и затратил на прохождение трассы 17 дней 11 часов 54 минуты 12 секунд)

– Надеюсь, нет, – Кир пожал плечами. – Когда нужен определённый помёт, тогда появляются щенки, последние во дворе носятся, – он показал рукой на «молодняк», – предыдущий три года назад был. Мы спортсмены, Фая, спортсмены и туристы. Хаски, маламуты, самоеды – не те породы, которые нуждаются в популяризации. Порой хочется, чтобы о нас забыли вовсе, – вздохнул и развернул меня за плечи к широкому крыльцу с козырьком: – Иди в дом, нос посинел.

– А ты?

– А я займусь уборкой продуктов жизнедеятельности, – засмеялся Кир. – Хаски – это не только голубые глазки, причудливый нрав, но и пуд того самого за год.

Я засмеялась в ответ. Было на удивление легко общаться с Киrom. Мы знакомы всего ничего, и часа не прошло, если не считать, что я ночевала в его доме, на его кровати, с его псом, а ощущение, что знаю всю жизнь.

Быстро заскочила в раздевалку, сбегала помыть руки – ванная комната располагалась рядом, – прошла на кухню, потирая озябшие ладони. С тёплой одеждой нужно было что-то срочно решать. Попросить Кира свозить в ближайший город? Вряд ли здесь найдётся магазин Вольфскин⁶, но я была согласна и на продукцию из магазина с названием «Всё для охоты и рыбалки».

Агриппина, урождённая Люблянская, не одобрила бы моего порыва. Перефразируя классика: «в человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и бренд, и мысли». Столбик термометра, опускающийся ниже тридцати пяти градусов, красноречиво намекал, что всё прекрасно не будет. Либо бренд пострадает, либо пятая точка и колени отмёрзнут. За мысли свои я не беспокоилась. Привет Чипу и Дейлу!

– Здравствуйте, – услышала я и упёрлась взглядом в девушку.

Она стояла, опершись коленом о лавку, и перекладывала из пакета пластиковые контейнеры с едой на деревянную поверхность стола. Рядом пристроились две кастрюльки в весёлую клеточку.

Девушка симпатичная. С едва курносый носом и пухлой нижней губой. Каре из каштановых, блестящих под светом ламп волос, обрамляло хорошенькое лицо, а когда губ коснулась улыбка, на щеках мелькнули озорные ямочки. Она была выше моих ста шестидесяти сантиметров роста. С привлекательными мужскому взгляду изгибами, так непочитаемыми семейством Люблянских.

В одно мгновение мои бёдра не просто уменьшились в моём воображении, они сдулись, отправляясь в путешествие вслед за уверенным вторым размером груди. Я последовала за своими прелестями, махая по пути рукой солнечно улыбающемуся Киру.

Так вот значит, какие девушки нравятся Кириллу Сафронову... Фактурные и Хозяйственные.

⁶ Вольфскин – немецкий производитель верхней одежды и снаряжения для повседневной жизни и активного отдыха.

Глава 5

Так же, как я разглядывала девушку, она смотрела на меня. Мы были похожи на двух ковбоев из старого вестерна, не хватало только звука «погремушки» гремучей змеи.

Изучалось всё, от корней волос до цвета носков. За свои корни я была спокойна. Блондинка от природы, я лишь немного осветляла волосы, добавляя тусклому природному цвету живости. Последний раз я посещала салон на прошлой неделе, вместе с покраской и стрижкой, подкорректировала брови, сделала маникюр и парочку интимных процедур, о которых воспитанные женщины не говорят вслух.

Как обычная девушка, я не игнорировала индустрию красоты, просто не возводила её в культ. Если бы я знала, что на моём пути возникнет Кирилл Сафронов, непременно вколола бы филлеры куда следует, что необходимо – подтянула, лишнее – удалила. Впрочем, учитывая, что стоящая напротив меня не только обходилась без инъекций, но и не скрывала своих симпатичных форм, вряд ли на него произвела бы впечатление обновлённая, похудевшая Фаина Люблянская, с точёными скулами, актуальной в этом году формой губ и без округлостей на положенных природой местах.

Обидно, обидно Фая.

Ёжкины морковки!

– Познакомились, девочки? – услышала я за спиной голос Кирилла и отмерла.

– Люблянская Фаина Сергеевна, журналист, приехала работать над статьёй о «Звезде Хакасии», – протянула я руку. Иногда во мне просыпались мамины гены, помогающие держать лицо в любой ситуации. И сказывалась папина выдержка, которой он меня учил, играя со мной в покер. Да-да. На деньги. Покер я не освоила, а вот «покерфейс» мне удавался безупречно, если верить папе, конечно.

– Сафронова Ольга Андреевна, ветеринар, – Ольгу в детстве тоже учили держать лицо, проигрывая последние карманные деньги.

Всё, что я услышала – «Сафронова». Жена? Перед поездкой я тщательно изучала материал о питомнике, в том числе о владельце. Фотографий Кирилла было ничтожно мало, все издали, личной информации вовсе никакой, кроме фамилии, имени, отчества и перечислений регалий, побед и призов. Про семейное положение не было ни слова. Не удивительно, звание «лучший каюр русского севера» – не олимпийский чемпион по биатлону.

– Стресс. Фрустрация. Страх. Агрессия, – с усмешкой произнёс мужской голос, от чего тёплые мурашки скопились между лопаток. Странная реакция. – Хоа, девочки, хоа! – засмеялся он. – Хоа – команда «стоп» на языке североамериканских индейцев, – пояснил, скорее всего, для меня.

И как, скажите на милость, мне нужно было реагировать на сложившуюся ситуацию? Правильно. Никак. Я никак и не отреагировала.

Произнесла вежливое:

– Приятно познакомиться, – добавила: – Я вас покину на минуту, – и отправилась к своему чемодану. Соскучился, бедняжка, стоит в углу, один-одинёшенек, слёзы горькие льёт.

Уселась на кровать напротив камина и выдохнула. Необходимо было успокоиться, срочно. Женат и женат, не конец света. Что там мне рассказывали на занятиях по аштанга-виньяса-йоге, которые я посещала почти полгода после расставания с бывшим?

Асаны – движения, и виньясы – движения, соединяющие в единый поток асаны, не подходили. Принимать причудливую позу в доме постороннего мужчины я не могла себе позволить. Я хоть и Фая, но урождённая Люблянская! Остаются уджайи – вид дыхания со звуком, и дришти – фиксация взгляда на одной точке.

Мои мечты о медитации прервал Наваха, влетевший огромным, мохнатым облаком. Пёс. Щенком назвать тушку около сорока килограмм, ростом выше моего колена, не получалось. С разбега маламут запрыгнул на кровать, по пути свалив меня с насиженного места.

Я растянулась на полу, благо кровать невысокая, второй раз за сегодняшний день, и второй раз на меня с интересом смотрела лобастая, широкая морда, выразительно приподнимая «брови». Дескать, чего лежим, кого ждём.

Ждать действительно было нечего – я приехала писать статью о «Звезде Хакасии», едва не замёрзла насмерть на просторах южной Сибири, чуть не задохнулась от астматического приступа, теперь просто обязана жениться на владельце питомника. Оговорочка, по Фрейдю. Написать статью, конечно же.

Для вида я сняла свитер, накинула флисовую кофту поверх футболки и отправилась на кухню, откуда доносились аппетитные запахи. Вспомнилось, что ела я в последний раз в Новосибирске, в аэропорту, в Бургер Кинге. Вредный, жирный, калорийный, напичканный канцерогенами и глутаматом натрия Воппер. А что вы хотите от бесталанной, бестолковой, игнорирующей здоровое питание меня?

– Чего окрысилась? – услышала я голос Кира.

– Я? – фыркнула Ольга Андреевна. Андреевна?!

«Женат, женат!» Зачем же сразу думать о человеке плохо?

– Проходи, – Кир перевёл взгляд на меня. – Оля – моя родная сестра, Фая – журналист и моя гостья, – показал он рукой сначала на сестру, потом на меня. – Теперь давайте обедать.

– Садитесь к столу, – бросила Ольга. – Накормлю, да побежала, некогда мне. У Малышки выжеребку жду.

– Ещё не родила? – Кир деловито нарезал хлеб.

– Первородка, – вздохнула сестра улыбахи. – Нервничаю, как сама рожать собралась.

– Здесь небольшое коневодческое хозяйство есть. Парни из Москвы приехали, недавно раскручиваться начали, – пояснил Кирилл. – Ольга у нас на все руки ветеринар, с лошадьми, коровами, козами работает. С собаками, естественно, про кошек молчу, диабет хомяку лечила, – прямо-таки с гордостью проговорил, только что не промурлыкал, как огромный, довольный кот, нахваливая сметану.

Встречаются женщины в сибирских селеньях. И готовить умеют, и диабет у хомяка вылечить, и роды у лошади принять. Живой лошади! Последний раз я видела лошадь с трибуны итальянского ипподрома Капаннелле. Мы с Агриппиной сидели в первом ряду, она пыталась приучить меня к прекрасному. Я бы предпочла перебраться повыше, а лучше посмотреть по телевизору, если уж без этого не может обойтись ни одна уважающая себя Люблинская. Впрочем, впоследствии я прекрасно обходилась. Жила такой, какой меня привели на ипподром – обладающей дурным вкусом, склонной к сомнительным радостям.

Обед удивил. Обыкновенный домашний обед, без национальных или региональных блюд. Кислые щи, запечённый картофель, мясные котлеты, солёные, бочковые огурцы и, в завершение, оливье. Обычный оливье, щедро одобренный майонезом домашнего приготовления, о чём мне услужливо сообщила Оля, намекая, что угощение не вредно для фигуры. Вот всё это вместе, приправленное домашним майонезом – исключительно полезно. У Агриппины бы произошла ментальная пищевая токсикоинфекция.

Я практиковала дришти – фиксацию взгляда на одной точке. Майонез готовят дома? Все блюда, щедро расположенные на столе, можно взять и приготовить? Своими руками? Ах да, ещё принять роды у кобылы, вылечить диабет у хомяка и уметь кастрировать кобелей. Ваша самооценка летела когда-нибудь вниз со сверхзвуковой скоростью? Моя разбилась, не оставив завешания.

Лучше бы ты, Ольга, была женой Сафронова Кирилла.

– Хорошо, что ты приехала, – мы успели перейти на «ты» с Олей. – Оболтус наш не хотел, а это реклама. Реклама – это деньги, спонсоры. Я права?

– Права, – подтвердила я, с трудом доедая щедрую порцию щей.

– Он не гуру общения, только с собаками своими возится, скоро разговаривать разучится. Перебрался от нас, вовсе одичал. Мы с родителями в соседнем доме живём, – тут же пояснила Ольга. – Кирилл здесь обитает, – вздохнула она. – Думали, жениться собрался, а он так и живёт один.

– Всё-то ты знаешь, – усмехнулся Кир. – Свечку держала?

– Ой, – снисходительно фыркнула собеседница. – А ты замужем? – внимательный взгляд Ольги прожёл дыру в моём лбу.

– Нет, – ответила я.

– Парень есть?

– Нет, – решила я обозначить ситуацию, в основном для Кира.

– Это хорошо, – Ольга откусила солёный огурец. – Не то, что у тебя парня нет, а то, что... скучать без него не будешь, – нашлась она.

– Действительно, – Кир смерил взглядом сестру. – Удача.

– Я пошла, сами разберётесь, – показала взглядом на стол. – Да! – вскрикнула она у дверей. – Мама на ужин ждала, но, кажется, он не состоится. У Пачкой давление, пока скорую дожждётся, ночь наступит.

– Малышке привет, – ответил Кир.

Рядом сидел Наваха, прибежавший на ароматы, всё время преданно заглядывающий в глаза хозяину с самой несчастной мордой, которую только можно вообразить. Кот из Шрека – злобный монстр по сравнению с аляскинским маламутом.

– У тебя свой обед, – сказал Кирилл грозно, возмущённое ворчание было ему ответом.

Позже мы немного прошли по посёлку. Кир сказал – на днях отвезёт меня за «нормальной одежкой», а пока выдал свои вязаные варежки, шарф, а поверх моего пуховичка накинул свою куртку с огромным капюшоном, прикрывающую мои несчастные колени. Выглядела я нелепо, но чувствовала себя волшебю.

В посёлке жило больше двух тысяч человек. По сравнению с городом – ничтожно мало, но для местности с плотностью населения восемь человек на квадратный километр – тьма народа. Прямые улицы, заканчивающиеся редким лесом или степным простором с видом на грядущих невысокими гор – с другой стороны улицы. По словам Кира в посёлке были почта, несколько магазинов, школа и детский сад. Один раз мимо проскочило нечто, похожее на маршрутку, с надписью «в центр».

Дома – чаще одноэтажные, никакой элитной застройки с эркерами и ризалитом, стильных домиков-шале, резных, а-ля Вологодских палисадов или лаконичного финского дизайна. Невысокие, деревянные заборы с охапками искристого снега, снег под ногами, над головой, везде.

Красиво, ёжкины морковки!

Пахло снегом, свежестью, лесом и печным отоплением. Странно, что я вообще узнала этот запах – ни в загородном доме родителей, ни у Агриппины, живущей постоянно в частном доме, не было печного отопления. Хамам, инфракрасная и финская сауна, отапливаемый бассейн, джакузи – вот неполный список удобств. Русская баня в перечень не входила. Видимо, крестьянские гены со стороны папы подсказали. Заподозрить подобные гены в Артемиде Люблянской было невозможно.

Вечером же Кир снова занимался с собаками – кормил, убирался, играл, а я наблюдала с крыльца, фотографировала, иногда задавала вопросы, наверняка глупые, но мне отвечали.

– Кир, почему Наваха живёт в доме, а остальные в вольерах?

– Не только Наваха. Порой Сали навевается, Алтай, Антип, гад синеглазый, любимец девушек, – он показал на хаски, с интересом поглядывающего на Фаину. Показалось, флиртующего с ней. Неудивительно, что женские сердца трепещут при виде красавца.

– А остальные?

– Иногда и остальные, когда сильные морозы – просятся в дом, в тамбуре ночуют, – так вот для чего большое помещение при входе! – Чаше у себя предпочитают. Им не холодно, – засмеялся Кирилл, уловив мой немой вопрос. – Шуба – не чета твоей курточке «Рибок», – он улыбнулся, скользнув по мне взглядом, и я совершенно глупо засияла в ответ.

Радуются люди солнцу, хорошей, безветренной погоде, снегу, а я радовалась Киру.

Ужинали теми же котлетами с картофелем. О, да, я отлично помнила про ужин, который следовало отдать врагу, только есть хотелось смертельно! Да и где бы я нашла врага? Кирилл Сафронов не выглядел таковым, Наваха – дружелюбный парень, хотя, я уверена, от котлеты не отказался бы. А Сали мирно сопела у ног хозяина, устроив голову на лодыжках в тёплых носках.

Ночевать меня уложили в той же комнате, где я проснулась. Кирилл отправился в соседнюю, совсем небольшую, больше похожую на коморку с топчаном у стены и печуркой. Стало неловко, выходило, я выселила хозяина из его апартаментов, нагло заняв самое удобное спальное место.

– Я весь прошлый год там спал, – отмахнулся Кир. – Летом сюда перебрался, – пояснил он, забирая свой ноутбук, зарядку для телефона, какие-то вещи из шкафа. – Только...

– Что? – после прямо-таки театральной паузы стало чуточку жутковато.

– Не закрывайся, пожалуйста. Ничего такого! Не подумай!

Я бы с радостью подумала о «таком». Не в первый вечер, естественно, но гипотетически...

– Прошлую ночь я здесь ночевал, – он махнул рукой на одно из кресел. – Вдруг что... – Кирилл почесал затылок, виновато смотря на меня.

Всё понятно. Опасается моей бронхиальной астмы. Я бы тоже опасалась, если бы не братья по разуму Чип и Дейл.

– Конечно, – улыбнулась я в ответ. – Дверь останется открытой.

– Отлично, – кивнул Кир. – Располагайся, как дома, – и вышел.

Как дома не выходило, в окно серебром поблёскивал растущий месяц, расположившийся на небе цвета индиго. Наваха спал в ногах, иногда поскуливая и перебирая лапами, будто бежал по бескрайней снежной целине. Слышались завывания ветра и треск горящих дров. Бесконечно крутились мысли, воспоминания, слепящие впечатления, а перед глазами стояла улыбка, которую хотелось съесть или хотя бы украдкой лизнуть самым кончиком языка.

Глава 6

Я жила в доме Кирилла Сафронова уже несколько дней, и сейчас, под вечер, сидела на кухне, слушая неспешный рассказ тёти Юли о своей семье. Кирилл, как и обещала Оля, оказался не самым разговорчивым парнем. Чаще он открывал рот, отвечая на вопросы, сам ничего не рассказывал ни о себе, ни о своей семье. Мне же было любопытно, наверное, как любой девушке, которой нравится парень. А Кир мне нравился.

Не настолько, чтобы выйти замуж или оказаться с ним в одной постели прямо сейчас, но определённо нравился. Поэтому мне было интересно, как он учился в школе, какое блюдо любит, как звали его первую любовь, даже сколько он весил в пятом классе. Своё неуёмное любопытство я прикрыла работой над статьёй.

Мне на помощь пришла тётя Юля, с увлечением рассказывающая о семье, в том числе и о Кирилле. С того утра, когда я познакомилась с мамой Кира, я встречала её два раза. Один раз она пришла как врач, а во второй принесла таз пирогов. Десятилитровый, эмалированный таз, а не тазик или модный крафтовый пакет. Полный пирогов с вареньем, картофелем, мясом, луком и яйцом, рыбой.

Пирогов было не просто много, а очень много, и они всё равно быстро закончились. Помимо здорового аппетита Кира, свою роль сыграл Наваха, совершивший варварский набег на вкусности. Потом-то ему было стыдно, во всяком случае, он талантливо изображал раскаяние. Как не поверить несчастным глазкам, преданно смотрящим на хозяина с выражением вселенской скорби на морде. Бес попутал, хозяин! Ей-ей, сам не понял, как получилось!

– Робин Гуд попасть, – рассмеялся Кир.

– Почему Робин Гуд?

– Он пару пирожков Сали отнёс, а с рыбой Пирату.

Пират – огромный кот со всклокоченной, мохнатой шерстью обыкновенной серо-полосатой масти. Котяра считал питомник личной территорией, а обитателей – нагловатыми квартирантами, которых время от времени ставил на место. Ночевал Пират в тамбуре перед входом, свернувшись на личной подстилке, греться уходил к собакам, а дома лишь столовался. «Ездовой кот», – говорил про него Кир.

– Мы с моим Андреем познакомились в Черёмушках, – сентиментально вздохнула тётя Юля.

Она всегда говорила «мой Андрей», никогда «муж», «супруг» или «Андрей». Местоимение «мой» было обязательным. Муж отвечал взаимностью, опуская при этом имя. Короткое и ёмкое «моя», иногда «мать», и редко «Юлиана», зато всегда полным именем. Почему-то мне это казалось милым. Видимо, заодно я влюбилась в семью Кирилла Сафронова, если просторечное «моя» вызывало в сердце сладкое щемление. Вот бы Кирилл сказал про меня «моя»!

– Посёлок при Саяно-Шушенской ГЭС, – пояснил присутствующий здесь же дядя Андрей. В это время он сидел с другой стороны стола, рядом с Кириллом. Они с мальчишеским азартом разбирали какую-то деталь от снегохода, предварительно расстелив несколько слоёв газеты. Последнее – после выразительного взгляда Юлианы.

– Родилась в Карелии, училась в Ленинграде, по распределению в Черёмушки попала. – Я распахнула глаза от удивления. Ничего себе «распределение». Из Ленинграда в Хакасию... почти как на Северный полюс или на Луну. – Моего Андрея встретила и осталась навсегда, – рассмеялась тётя Юля. – Он инженером работал, важный ходил. Красивый! – в это время тот, о ком шёл рассказ, недовольно не то крикнул, не то фыркнул.

– Расписались, почти вся жизнь рядом с ГЭС прошла. Трёх детей родили. А в две тысячи девятом сказала: «Всё, хватит!» и мы сюда перебрались.

Сразу вспомнились события две тысячи девятого года. Тогда я жила в Италии, с трудом представляла, где находится Саяно-Шушенская ГЭС, а «Хакасия» звучало для меня так же, как «Церера» – наименьшая карликовая планета Солнечной системы. Но кадры катастрофы и списки погибших врезались в память.

– В город хотела перебраться, – вздохнула тётя Юля.

– Что в твоём городе делать? – возмутился дядя Андрей. – В четырёх стенах торчать? Телевизор смотреть, в парке гулять?

– Собаку бы завели и гуляли! – парировала Юлиана.

– Мы и завели, – рассмеялся Кир.

В подтверждение слов хозяина Наваха приоткрыл один глаз, проурчал, а сидевший рядом со мной Антип издал и вовсе странный звук, больше похожий на кряхтение старого деда,глянув на меня преданными, синими-синими глазами. Как в такого красавца не влюбиться?

– А здесь посмотри, какая благодать, – прогремел дядя Андрей. – Лес, горы недалеко, рыбалка, дети при деле.

– При деле?! – не смолчала тётя Юля. – Один болтается по миру, четвёртый десяток разменял, а ни кола, ни двора.

– Ничего себе «ни кола, ни двора», – рассмеялся Кир. – Квартира в Москва-Сити!

– Квартира с ним жить будет, замуж за него пойдёт, квартира ему детей родит?!

– Как врач, ты прекрасно знаешь – для рождения ребёнка жена не требуется, – Кир явно подшучивал над больной темой для матери. – Достаточно яйцеклетки и...

– Вот, ещё один! – всплеснула руками тётя Юля. – Мы с отцом внуков не дождёмся.

– Говорил тебе, пятерых рожать надо, кто-нибудь сподобился бы, – закатился в смехе дядя Андрей.

– Денис энергетик, – Кир перевёл улыбающийся взгляд на меня. – Разработка, производство, эксплуатация систем энергетического и теплового обеспечения. Мотается по стране и миру.

– Понятно, – кинула я.

– Один хоть мир посмотрит, а второй сидит бобыль бобылём, – буркнула себе под нос тётя Юля.

– Я всё слышу, – рассмеялся Кир, Наваха в солидарность хлопнул хвостом по полу и приоткрыл один глаз.

– Ладно, займусь делом, – миролюбиво ответила тётя Юля и направилась к плите.

– Вам помочь? – тут же вызвалась я, хотя реально могла помочь только с яичницей.

– Спасибо, не нужно, – ответила тётя Юля. – У тебя своя работа, у меня своя.

Чтобы как-то подтвердить версию мамы Кира, я открыла ноутбук, стоявший рядом, и начала набрасывать впечатления. Все находились в одном помещении, каждый занят своим делом, почти как у великолепных Люблянских на совместном семейном мероприятии, но никакого гнетущего давления я не ощущала.

Впрочем, представить Артемиду Люблянскую, чистящую некрупную рыбёшку, я не могла, как и Сергея Люблянского, ковыряющегося с железом в воняющей смазке. «Каждый должен заниматься своим делом», – железное убеждение моего отца. Даже если он мог починить смеситель или подстричь газон, он никогда не делал этого. «Сантехники, садовники, уборщики честно выполняют своё дело. Моя обязанность обеспечить их работой, как и тысячи других людей на моих предприятиях».

Просто все находились рядом, без приглашения на «мероприятие», особенного повода или веской причины. Никто никого не оценивал, не одёргивал, не указывал.

Я постаралась сосредоточиться на произошедшем за эти дни, на жизни питомника, на том, что я узнала, почувствовала и прочувствовала в ездовом спорте.

Итак. За «тёплой одежкой» мы отправились на следующее утро. К моему удивлению – из строения, которое я гипотетически назвала «гаражом», выехал Ниссан Патрол. Не в новейшем кузове, однако и не древний. Заглянув в гараж, увидела два снегохода, квадроцикл, раздолбанный вдрызг УАЗ, два прицепа, один из которых «дом на колёсах», микроавтобус и даже лодку с мотором.

Не интересовалась стоимостью недвижимости в Хакасии, но моих знаний хватало на то, чтобы понять – один только Ниссан Патрол стоит дороже, чем дом Кира, дом его родителей и всего, включая стоимость собак.

– Ничего лишнего, лишь самое необходимое, – прокомментировал моё удивление Кир. – Как и в доме.

Действительно. В жилом доме была просторная кухня, комната, в которой ночевала я, комнатуха Кира и ещё одна, точно такая же, прихожая, удобства. Сени, выходящие в изолированный двор с вольерами, котельная, тамбур на входе с другой стороны дома – гости заходили именно там. Всего хватало, и ничего лишнего.

Несмотря на то, что я урождённая Люблянская, я отлично понимала Кира. Когда переехала в однушку, показалось – в тесном пространстве невозможно существовать. Очень скоро я не просто привыкла, мне понравилось. Из комнаты в кухню нужно пройти несколько шагов, а квартплата, на которую с того дня я зарабатывала сама, приятно удивила. Платить за семьдесят квадратных метров столовой в голубых тонах для того, чтобы обедать рядом с холодильником на кухне, не хотелось. И убирать, к слову, тоже.

С покупками справились быстро. Очень просто решить проблему выбора, когда его нет. В магазине нашлось всего два комплекта одежды моего размера, один не подошёл по росту. Второй оказался нелюбимого мной цвета хаки, как блондинке он мне решительно не подходил. Зато был тёплым, непродуваемым, непромокаемым. Продавец сурово выложил на прилавок термобельё, подходящее по уровню активности и температурному режиму окружающей среды, и пару флисовых вещичек. Красота!

В обновке я ощущала себя снеговиком-спецназовцем, балаклава дополнила образ, а улыбка Кира и поднятый вверх большой палец заверили, что выгляжу я богически.

На обратном пути, несмотря на порхающих бабочек в мыслях, животе и интимных местах, я сообразила, что мы едем в противоположную от дома сторону.

– Увидишь, – подмигнул Кирилл.

И знаете, что? Я улыбнулась, расслабилась и решила, что увижу обязательно нечто хорошее. Когда бывший говорил «увидишь», я начинала паниковать, прикидывать, насколько неуместна моя одежда и я сама целиком там, куда мы направляемся. Дёргалась, нервничала, пыталась просчитать траекторию падения сквозь землю.

С Киром же счастливо мурлыкала себе под нос и глазела в окно на фантастическое количество снега, высоченные ели, если это были ели, в дендрологии за прошедшие несколько дней знаний не прибавилось. На сказочный, фантасмагорический пейзаж за стеклом.

Нелепо одетая я была максимально восхищена окружающим пейзажем и соседством с потрясающим парнем с самой обворожительной, сногшибающей, аппетитной улыбкой на свете.

Ниссан остановился. Не дожидаясь галантного жеста кавалера, я выкатилась из салона, как оптимистично настроенный, не слишком сообразительный надувной человечек Бибендум, символ Мишлена, и осмотрелась на местности. Высоченные ели, подпирающие собой небо, как атланты. Шапки снега на ветвях, снег, кружащийся в воздухе. Снег под ногами, на широких плечах куртки Кира. Морозный, свежий, хвойный, древесный воздух.

Молекулы при низких температурах движутся намного медленнее. В мороз мы вдыхаем меньше молекул, чем в жару. По той же причине запах горячего гораздо интенсивней, чем

холодного. Всё это физика, а вокруг меня было настоящее волшебство, не поддающееся никаким законам.

Главный поставщик моего настроения и внештатный волшебник шёл впереди меня, скрипя снегом и время от времени оборачиваясь, чтобы одарить улыбкой, которую хотелось слопать. На морозе, с привкусом еловых шишек и древесины.

Сказочная, вопиющая неосмотрительность. Я не понимала, где находилась, помимо очевидного – в Хакасии. Толком не знала человека, за которым шла вглубь непроходимого леса, не ориентировалась в пространстве, не владела приёмами самообороны. Чип и Дейл обнялись и махали мне вслед в знак одобрения.

– Не холодно? – время от времени интересовался Кир.

– Нет, – искренне отвечала я.

Не слишком удобно. Комбинезон для горнолыжного курорта значительно легче, удобней, но когда температура воздуха близится к «минус сорок», а затраченные джоули стремятся к минимальным показателям, толку от него немного. Зато в этом точно тепло.

Как Кир ориентировался между деревьев, для меня было загадкой, подтверждающей волшебную сущность парня. После очередного поворота мы подошли к избушке. Нечто подобное я видела на фотографиях и рисунках. Теперь же смотрела воочию. Небольшой домик из тёмных, грубо отёсанных брёвен. С одним, видимым с этого ракурса, маленьким окошком и козырьком над заметённым снегом крыльцом.

Кир, не церемонясь, открыл дверь, заглянув внутрь, подозвал меня рукой и пропустил вперёд, сам же шагнул следом, возвышаясь за моей круглой, похожей на снеговика, фигурой.

– Жив, дядь Вить? – громыхнул Кир.

От неожиданности я сжалась. Цветастое одеяло на полке, раскинувшееся от стены до стены, зашевелилось, оттуда выбрался дядя Витя. Взлохмаченные, седые на висках волосы торчали дыбом, лицо небритое, хмурое, не улыбочливое. Машинально я сделала шаг назад, уперевшись в Кира, как в стену.

Ёжкины морковки!

– Жив, жив, что мне станется, – раздался бодрый голос. – Проходите, гости дорогие, – дядя Витя быстро застелил спальное место, перебрался на пол, смахнул с небольшого, грубо сделанного стола несуществующие крошки, показал на лавку, приглашая присаживаться. Сам быстро вышел на улицу, как был, во флисовой поддёве. В окно я видела, как он умывается снегом, трёт шею, лицо, руки. С ума сойти!

– Дядя Витя, – представился он, когда снова появился в избушке, вопросительно глядя на меня.

– Фая, – ответила я. После того, как сдёрнули плотную тряпку с ещё одного окна, в избушке стало светлее, и я увидела, что дядя Витя странным образом похож на отца Кира. Та же мощь, огромные ладони, улыбка, седина на висках и вклученные волосы.

– Дядя Витя – брат отца, – подтвердил мою догадку Кир.

– Родной, – кивнул мужчина, суетясь у конструкции, выполняющей функцию кухонного стола. – Невеста? – коротко уточнил дядя Витя.

– Журналистка, приехала статью писать о «Звезде Хакасии».

– Статья – это хорошо, – снова согласился мужчина.

– Мама еды передала и велела сказать, если на неделе не явишься, она сама приедет, и тебе жить станет тесно. Дословно, – засмеялся Кир.

– Бабё, а! От одних сбежал, вторая насаждает, – наигранно возмутился дядя Витя. – Не женись Кирюха, как родной человек говорю, не женись!

– Не собираюсь, – улыбнулся Кир. – Приданое у меня суетливое, хвостатое, никому не нужное.

– Это ты хорошо придумал, с приданым, – кивнул дядя Витя. – Давайте обедать. Картошечка с тушёнкой. Объеденье!

Отказаться неудобно, к тому же калорийный картофель с соей, пальмовым маслом, красителями и вкусовыми добавками оказался бомбически вкусным. Мне грозило по окончании командировки не влезть в джинсы, как минимум. А как максимум – нервное потрясение Агриппины при виде моей отъевшейся ряшки и наросших бёдер, которые и без того нуждались в коррекции, а то и в хирургическом вмешательстве. Что ещё ожидать от безвольной, игнорирующей основы правильного питания меня?

Оказалось, дядя Витя постоянно жил в Красноярском крае. Когда-то он был конструктором и даже получил Ленинскую премию, а теперь трудился инженером на металлургическом заводе. На зимней рыбалке, подальше от семьи и забот, он проводил законный отпуск. Я не знала, чем плох Красноярский край для подобного времяпровождения, для меня проживание в течение месяца в богом забытом зимовье само по себе было чем-то из ряда вон выходящим, граничащим со слабоумием. Впрочем, кто бы рассуждал.

Привет Чипу и Дейлу!

Реку я не заметила. Я вовсе не думала, что передо мной раскинется широкая водная гладь с проходящими мимо пароходами и катерами, но границу берега ожидала увидеть. Высокие деревья перемежались подлеском и проплешинами, занесёнными снегом. То ли лес в этом месте вырубил, то ли летом здесь красовалась живописная поляна. На одной из таких полян мы остановились, и дядя Витя довольно заявил, что можно бурить лунку.

– В смысле? – с опаской я покосилась на Кира.

– Мы где-то на середине реки, – подтвердил мои опасения Кир.

Предупредить нельзя было? Я планировала вежливо посмотреть с берега на фестиваль отваги, а не участвовать в нём. Страшно-то как... Неизвестно, сколько метров подо мной лёд, но под ним определённо ледяная вода. Вода!

– Фая, что с тобой? – Кир нагнулся, заглянул мне в лицо, я же стояла, приоткрыв рот, с ужасом ожидая, как провалюсь под лёд, в воду. Воду! С лицом... Уйду, и булькнуть не успею. В воду! С лицом...

– Ну-ка, пошли, – Кир подхватил меня на руки, так, словно я, вместе со своими бесчисленными одежками, ничего не вешу, и отнёс к одиноко стоящей ели... или ёлке. – Фая, смотри на меня, – я с трудом перевела взгляд от снега под ногами на парня. Там же уже нет льда? Нет воды? – Фая! – меня встряхнули как матрёшку. – Фая, это – пихта, – он показал на вечнозелёное растение. – Пихта растёт на влажной, плодородной, суглинистой почве. Почве! Под нашими ногами земля. Пихта. Земля, – проговорил он ещё один раз, показывая рукой на пихту и под ноги. Забрался ко мне во внутренний карман за ингалятором. – Держи, – вложил пластик в руку и остался стоять со мной, поглаживая по спине и рукам, пока я не выдохнула с облегчением.

– Рыбалка – не твоё, – сделал очевидный вывод Кир, когда мы ехали обратно. Немного утешало то, что хозяин питомника не злился, не выговаривал за глупость, никак не дал понять, что я повела себя максимально по-идиотски.

Дядя Витя нагрузил мешок с замороженной рыбой, забрал передачу от родственницы и поклялся на следующей неделе приехать.

– До встречи, Фая, – добродушно сказал на прощание человек-медведь и захлопнул дверь Ниссана.

Глава 7

В этот же вечер меня ждало ещё одно приключение, которое, в отличие от первого, понравилось мне значительно больше. Да что там, я была в восторге.

Кирилл ежедневно тренировался, готовясь к соревнованиям. Он запрягал собак, становился сзади нарт и гнал, что было мочи. С такой скоростью, что скоро от ворот оставалась видна лишь точка. Очень скоро я разобралась в тонкостях амуниции для собак: упряж, ошейники, шлейки, попоны, потяги...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.